

Протестъ наследниковъ А. Г. Рубинштейна.

1903 г. № 309

Года за два до смерти А. Г. Рубинштейна, когда покойный композиторъ жилъ въ Старомъ Петергофѣ, ему доложили, что какая-то дама проситъ принять ее на нѣсколько минутъ.

— Просите.

Въ кабинетъ Антона Григорьевича вошла молодая, изящно одѣтая женщина и сразу упала ему въ ноги...

— Сударыня, что съ вами?

— Я пришла просить у васъ прощенья.

— Прежде всего, пожалуйста, встаньте...

Въ чемъ-же вы провинились передо мной?

Женщина поднялась и проговорила голосомъ, прерывавшимся отъ волненія.

— Я... я... я пѣла вашего Демона...

— Вы—Демона?.. Гдѣ?

Антопъ Григорьевичъ задалъ этотъ вопросъ тоже не совсѣмъ спокойно...

— Я пѣла въ...

Женщина назвала одинъ изъ небольшихъ сибирскихъ городовъ...

Композиторъ улыбнулся и махнулъ рукой...

Въ такомъ городѣ можно пѣть баритонную партію какимъ угодно голосомъ...

...Этотъ фактъ мнѣ рассказали по поводу появленія въ московской частной оперѣ новаго Демона—г-жи Вяльцевой. Я слышалъ еще, что ближайшіе родственники покойнаго композитора совѣщались съ М. И. Чайковскимъ о томъ, какъ имъ поступить, чтобы помѣшать этому... странному представленію.

Говорить, будто М. И. Чайковскому былъ предложенъ такой вопросъ:

— Что сдѣлали-бы вы, если-бы въ одной изъ оперъ вашего брата выступила, въ мужской партіи, кафе-шантажная или цыганская цѣвица?

— Я... мнѣ кажется, просто сошелъ-бы съ ума..!

Такъ, будто-бы, отвѣтилъ М. И. Чайковский. Конечно, этотъ отвѣтъ вполне характеризуетъ нравственное состояніе не только брата, но и каждаго серьезнаго поклонника того или другого великаго композитора, произведеніе котораго выбирается краеугольнымъ камнемъ для созданія совершенно особой популярности, вродѣ Геростратовской... Но, къ сожалѣнію, въ практическомъ смыслѣ отвѣтъ М. И. Чайковскаго оказался не очень цѣннымъ. А потому, выслушавъ его, родственники А. Г. Рубинштейна рѣшили протестовать.

Но какъ протестовать? Наслѣдники авторскихъ правъ Антона Григорьевича состоятъ членами «Общества русскихъ драматическихъ писателей и оперныхъ композиторовъ» и, значитъ, могутъ дѣйствовать, сообразуясь исключительно съ уставомъ этого общества.

А по уставу общество не имѣетъ права запрещать постановку оперъ и драмъ, которыя уже шли въ частныхъ театрахъ Москвы и Петербурга.

Нельзя-ли назначить за постановку непомѣрно высокой авторскій гонораръ, напримеръ, тысячъ пять?

Когда возникъ этотъ вопросъ, онъ немедленно возбудилъ другой или, вѣрнѣе, даже два другихъ.

Первый: съ какой цѣлью собирается пѣть Демона г-жа Вяльцева?

Второй: не согласится-ли она, изъ желанія «прославиться», заплатить за право пѣть Демона даже пять тысячъ?

Отвѣты на эти вопросы дали «компетентные люди». Оказалось, что г-жа Вяльцева получаетъ въ Москвѣ за выходъ въ «Демонъ» 1,000 рублей, вмѣсто ея обыкновеннаго гонорара 700 рублей за выходъ въ опереттѣ. За что-же эти лишніе 300 р.? Очевидно, за сенсацию... Такимъ образомъ, получился отвѣтъ на первый вопросъ: ради сенсациі, соединенной съ полученіемъ тысячи рублей, а второй вопросъ совершенно отпалъ...

Но, увы, и тутъ пришлось столкнуться съ уставомъ общества. Назначать авторскій гонораръ въ размѣрахъ, больше платимыхъ обыкновенно извѣстными театрами, общество также не имѣетъ права...

Что-же дѣлать?

Какъ протестовать?..

Я слышалъ, что наследники, ближайшіе родственники А. Г. Рубинштейна, собираются прибѣгнуть къ единственному доступному имъ средству.

Они хотятъ обратиться къ публикѣ.

Они хотятъ просить публику не допустить оскорбленія памяти великаго русскаго композитора.

Нужно-ли говорить, что этотъ протестъ, эта просьба заслуживаютъ полнаго уваженія?..

Зетъ.